

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА)

Аннотация

В представленной статье автор рассматривает понятие этнополитической мифологии с управленческих позиций. Обращаясь к предшествующим теоретическим исследованиям и практическим примерам, автор отвечает на ряд теоретических вопросов, связанных с процессом этнополитического мифотворчества: насколько объективным является этот процесс, возможно ли использование мифотворчества в качестве инструмента государственного управления, причины развития этнополитической мифологии. Отмечается, что по форме этнополитические мифы являются политическими, а по содержанию — этническими. Выделяется ряд функций этнополитического мифотворчества: состояние общественного единения, консолидация общественного мнения, легитимация власти и др. В завершении автор на примере татарского народа показывает, как в современной региональной политике России функционирует процесс этнополитического мифотворчества.

Ключевые слова: этнополитическая мифология, мифология, миф, политика идентичности, идентичность, историческая политика.

Автор

Высоцкая Зоя Романовна

Аспирант кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

«Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее» [7. — С. 101], — эта цитата из ставшего уже классическим романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» описывает деятельность Министерства правды. Сейчас бы сказали, что в ведении ведомства, выдуманного Оруэллом, информационная политика государства по части ее содержания и наполнения смыслами. Однако интерпретация исторических фактов и явлений, оперирование аргументами и символами, переосмысление прошлого в свете актуального настоящего — это повседневность не только антиутопичного мира Дж. Оруэлла, но и реальность социально-

политической жизни современного глобального общества, где политическое мифотворчество стало вспомогательным инструментом для решения разного рода задач, стоящих перед государствами.

«Миф как первая культурная форма породила последующие формы мировоззрения — религию, искусство, науку, философию, идеологию» [6. — С. 27], а потому в их содержании и форме так или иначе проявляются мифологические элементы. К тому же содержание самих мифов с развитием общественного сознания наполняется новыми темами, что непрерывно расширяет сферы бытования мифов. Поэтому можно говорить о том, что мифология — это

не только о фиксации исторической памяти различных обществ, но и форма отражения современной реальности. Отсюда возникает академический спор о том, насколько объективным можно считать весь процесс мифотворчества. Если, например, А.Ф. Лосев относится к мифу «как к живому и непосредственному выражению и носителю особой жизненной правды» [6. — С. 26], то позиция французского философа Р. Барта заключается в том, что «все культурные феномены, все виды коммуникации кодируются в знаковых системах, которые являются продуктом мифотворческой деятельности» [10].

Вероятнее всего, истина лежит где-то посредине. Понимание того, что современный миф может быть как объективным отражением реальности, так и инструментом ее конструирования, приводит к тому, что мифотворчество становится распространенным социально-политическим явлением. «Мифы-идеи целенаправленно конструируются политиками-идеологами для обоснования своих интересов, для манипуляции общественным сознанием» [6. — С. 27]. Л.А. Мясникова и М.Н. Шумихина, сравнивая архаические мифы и современные политические мифы, отмечают, что принципиальное отличие вторых состоит в том, что «это рационализированный миф... Особенностью политического мифа является его принадлежность к идеологии, [миф] всегда поставлен на службу властным структурам» [6. — С. 27]. Со своей стороны добавлю, что не только властные структуры являются проводниками мифов и рациональных идей, наполняющих эти мифы. Конструирование мифов может происходить как сверху, так и снизу, и в таком случае субъектами мифотворчества становятся различные социальные группы. Свидетельства использования мифов для достижения конкретных политических целей различными сообществами проявляются с древнейших времен, однако

само «понятие политического мифа было сформулировано сто лет назад Ж. Сорелем, который видел его предназначение в отображении «инстинктов», «ожиданий» и «страхов» национального движения или политической партии, в придании их идеологии завершенности» [8. — С. 292].

Именно в контексте этнонациональных движений политическое мифотворчество раскрывается особенно полно, поскольку использует весь возможный спектр тем, к которым может апеллировать субъект мифотворчества — исторические явления, культурные предпосылки, социальные и экономические ожидания, политические требования и т.д. Говоря об этнополитических мифах, стоит понимать, что по форме они — политические, а по содержанию — этнические. То есть бытование мифа в общественном сознании определяется конкретными социально-политическими условиями, а вот суть мифа связана с историческими и культурными корнями народов, с их коллективной памятью.

Ученые обращают внимание на то, что активизация этнополитического мифотворчества происходит в наиболее кризисные моменты общественного развития. Г.С. Девнина, оценивая роль мифологии в политических кризисах, пишет: «Сконструированный в соответствии с историческим моментом социальный миф может, с одной стороны, служить эскалации конфликта и выступать инструментом его развития, а с другой — приводить к локализации/разрешению конфликтной ситуации либо стать ее продуктом (итогом) [3. — С. 67]». Логически следует вывод: своевременное выявление набирающих свою силу и широко распространяющихся этнополитических мифов должно помочь предотвратить общественные кризисы, связанные с существующими межэтническими противоречиями, сепаратистскими настроениями, угнетением прав и сво-

бод этнических групп, тенденциями к ассимиляции и иными. Таким образом, важно понимать, что этнополитическая мифология может оказывать как деструктивное воздействие на общественно-политические процессы, так и созидательное, что находит свое отражение в различных функциях этнополитических мифов. Рассмотрим их суть.

Основная функция этнополитических мифов — воздействие на состояние общественного единения. Я сознательно не называю эту функцию только укреплением общественного единства, что распространено в научной литературе. Очевидно, что результат бытования этнополитических мифов в обществе далеко не всегда оказывается конструктивным. Более того, как я уже упоминала, зарождение и активное распространение мифов наиболее плодотворно происходит на кризисной почве. В таком случае «...его [миф] используют как идеологическую основу для исключения той или иной этнической группы из политического пространства страны» [8. — С. 297]. Механизм же духовного единения народов на основе общей мифологии состоит в обращении к генетической памяти народа: принадлежность человека к определенной культуре, его самоидентификация, заставляет его при виде знакомых ему исторических образов и знаков констатировать: «Это мое, родное». При оценивании тех или иных исторических событий следует обращать внимание на то, какое отношение к их значимости складывается у разных народов одной страны: если шкала значимости более-менее совпадает, то уровень солидаризации и единения в данном обществе будет выше.

Следующая функция — консолидация общественного мнения с последующей мобилизацией. Для претворения в жизнь тех или иных планов политикам необходимо опираться на широкие слои населения. Добиться общественной поддержки можно при условии

того, что политический посыл предельно ясен для населения и разделяется им. Здесь раскрывается потенциал этнополитических мифов как трансляторов интересов власти и общества. «Массы, не готовые, и не желающие вникать в логические аргументы и доказательства, гипнотизируются языком аллегорий и мифов» [4. — С. 51]. Этнополитические мифы оказываются проще и понятнее народу, поскольку вызывают не столько к разуму, сколько к эмоциональному отклику, а соответственно, мобилизационный порыв произойдет значительно быстрее.

Отдельно стоит отметить, что рассмотренная выше функция близка к другой функции, тесно связанной с использованием мифологии для решения политических задач, — функцией легитимации власти. Ю.Г. Ершов отмечает, что с помощью мифологии власти сакрализуют вполне утилитарные цели, компенсируя провалы в управлении [4 — С. 48]. Появляется необходимость в корректировке общественного мнения через смещение акцентов внимания. «Результатом манипуляции становится внушение массам определенной концепции истории, которая легитимизирует политические цели и господство политически доминирующей группы» [6. — С. 29].

Следующую функцию условно можно назвать воспитательной. Сформировав определенную концепцию истории, соотнеся ее с идеологией государства (при ее наличии) или с проводимой политикой, власти обеспечивают ее воспроизводство в общественном сознании через систему образования, просветительские проекты, используют лидеров общественного мнения для трансляции официальной позиции. Аналогичные процессы воспитания происходят и внутри малых этнических сообществ в процессе сохранения и передачи поколениям традиций.

Коммуникативная функция этнополитических мифов заключается в

возможности использования знаний о мифах определенных этнических групп при посреднических, дипломатических миссиях и в процессе межкультурной коммуникации. Актеры, взаимодействующие с носителем системы мифов, могут на основании анализа и оценки значимости тех или иных мифов выделять сильные и слабые точки носителя мифа, а в соответствии с этим выстраивать стратегию поведения в отношении носителя мифа.

Представленный список функций этнополитических мифов не исчерпывающий. Современная этнополитическая мифология — эффективный инструмент претворения в жизнь различных задач в публичной сфере, трансформирующийся и приобретающий все новые формы параллельно с развитием общества. Отсюда возникает резонный вопрос о возможности управления этнополитической мифологией, в том числе на государственном уровне. Здесь ученые сходятся во мнении, что это уже реальность. «Признание факта существования социального мифотворчества в политической жизни, влияние социального мифа на социализацию и политизацию индивида и четкое определение роли социального мифа позволяют говорить о социальном мифотворчестве как об отдельном направлении государственного регулирования» [3. — С. 61]. Более того, анализируя существующую практику государственного управления современной России, Ю.Г. Ершов напоминает, что «в 2009 году была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Спустя три года Комиссию распустили, пусть и запоздало, отреагировав на очевидную нелепость ее названия. Но сама проблема фальсификации истории нигде не исчезла» [4. — С. 48]. Также обращает на себя внимание стремление поставить на контроль негосударственных акторов, чья сфера деятельности

потенциально может быть связана с воплощением в жизнь различных замыслов через этномифотворчество. Речь идет об «ужесточении и усилении контроля за некоммерческим сектором, в частности получило широкое распространение понятие «иностранный агент». Эта административная мера была направлена на лишение возможности зарубежного финансирования деятельности групп и отдельных граждан по формированию в обществе новых представлений, стереотипов, социальных мифов, направленных на противодействие государственной политике» [3. — С. 66].

Последнее, о чем необходимо упомянуть в данном теоретическом обзоре, — это содержание этнополитических мифов. Этнополитические мифы можно разделить на две большие группы: исторические мифы и мифы-идеи.

Исторические мифы опираются на историко-культурное наследие различных этнических общностей, обосновывая те или иные притязания с опорой на исторический контекст. В.А. Шнирельман [13. — С. 16] обращает внимание на содержание этнополитических мифов современности и показывает, из чего складывается этнический образ прошлого и за что ведется борьба. Ключевыми сюжетами, вокруг которых рождаются новые этнополитические мифы, являются события, связанные с обретением родины, формированием собственной государственности или ее предтечи, великими завоеваниями и великими героями, страшными катастрофами, прервавшими восхождение народа к вершинам могущества и расцвета» [8. — С. 294].

Мифы-идеи нацелены на будущее, выражают коллективные желания и интересы этнических групп, в них находит отражение современное положение народа среди других и идеология его развития.

Этнополитическая мифология — это инструмент политики идентичности,

под которой ученые понимают «деятельность политических элит по формированию образа «мы-сообщества» в существующих административно-территориальных границах. Основные направления политики идентичности: символизация пространства, ритуализация принадлежности к сообществу, формирование представлений о «мы-сообществе» и установление границ «свой — чужой»» [6; 9]. Выполнение разного рода идеологических задач, поставленных в рамках проводимой политики идентичности, — это деятельность, прочно вошедшая в практику управления социальной и духовной сферой жизни общества. Необходимо отметить, что такая политика может проводиться в сообществах разного масштаба — от локального и до глобального. Чем более сложносоставное в этнокультурном разрезе общество, тем больше этнополитических мифов может одновременно сосуществовать. Россия — один из примеров такого поликультурного общества, где даже внутри одной и той же этнической общности мифотворчество может основываться на разном историко-культурном фундаменте, не говоря уже о федеральной повестке.

Самый очевидный пример — татары, внутри этнографических групп которых можно обнаружить как минимум четыре группы этнополитических мифов. Все они представляют собой исторические мифы. Первые две бытуют и конкурируют между собой непосредственно в Татарстане, другие две присутствуют в дискурсе крымских и сибирских татар. Рассмотрим их содержание с точки зрения целей мифотворчества и функций.

Мифотворчество казанских татар представляет собой классический пример использования этнополитических мифов в качестве инструмента политики идентичности. В годы, последовавшие за распадом Советского Союза,

Татарстан занял особое политическое положение в конфигурации других автономных образований на территории Российской Федерации. Проводимая властями политика требовала идеологического подкрепления, что породило активизацию процесса поиска татарской идентичности. Татарская интеллектуальная элита обратилась к вопросу происхождения татар, к их золотому веку истории, но на этом пути столкнулась с тем, какой же именно период считать золотым веком — золотоордынский или болгарский. Однако в последующие два десятилетия благодаря стабилизации общественно-политической ситуации в стране в целом и в Татарстане в частности оба подхода смогли мирно сосуществовать: и золотоордынский, и болгаристский подходы нашли свое отражение в этнополитическом мифотворчестве благодаря тому, что способствовали решению различных задач.

Так, говоря о целях золотоордынского, иначе — татаристского подхода, видный исследователь этнополитической тематики В.А. Шнирельман пишет: «Цель татаристского подхода, делающего акцент на золотоордынских корнях современных татар, состоит в культурной и языковой консолидации всех татар под эгидой татар казанских» [11. — С. 132]. Бытующий этнополитический миф базируется на идее о том, что татары достигли пика своего могущества именно в этот период, а последующие века привели татар в состояние глубоко разделенного народа. В данном случае миф отвечает стремлениям татарского руководства встать в центре консолидации различных этнографических групп татар, что в целом отвечает и общефедеральной повестке: например, в концептуальном контексте проводящегося ежегодно форума «Золото тюрков» то и дело поднимается вопрос о том, какую роль сыграли тюркские народы (к которым

относятся и татары) в истории России и по каким каналам и под флагом каких идей должна происходить интеграция тюркской молодежи в российское общество.

Булгаристский этнополитический миф в большей степени ориентирован на внутреннюю политику Татарстана и его взаимоотношения с центром. «В основе булгаристского подхода, выводящего предков татар из Волжской Булгарии домонгольского времени, лежит забота о территориальной целостности и суверенитете современного Татарстана. Кроме того, его сторонники стремятся очистить татар от того негативного образа, который столетиями навязывался им русской литературой, обвинявшей их в разгроме Киевской Руси» [11. — С. 132]. Такая расстановка акцентов в связи с сепаратистскими настроениями была особенно популярна в начале 1990-х гг., но и в наши дни ей нашлось применение — Татарстан работает над имиджем республики именно в контексте истории Волжской Булгарии. Например, через сферу туризма: в 2014 г. разрабатывалась концепция бренда поселения Болгар в Татарстане в качестве исторического и культурного центра древней Волжской Булгарии.

Однако такая интерпретация истории не принимается двумя другими этнографическими группами татар — сибирскими и крымскими.

Крымские татары апеллируют к истории половцев. Этот этнополитический миф позволяет крымским татарам под давлением аргументов о древности и уникальности своего происхождения регулярно ставить вопрос о собственной автономности без оглядки на «других» татар. В силу того, что Крымский полуостров на протяжении четверти века находился в составе Украины, а, соответственно, крымские татары были отделены от остальных этнографических групп татар государственными границами,

такая мифология позволяла им претендовать на особый статус внутри Украины. Впрочем, в связи с изменением на политической карте, произошедшей в 2014 г. (включением Крыма в состав России), отказа от подобной риторики крымскими татарами не наблюдается.

Что касается сибирских татар, то их понимание золотого века концентрируется на истории Сибирского ханства, «...ведь они были наиболее могущественным народом в Западной Сибири, имели свою государственность» [2].

Мифотворческие процессы, затрагивающие татарский народ, — иллюстрация динамики изменения основных функций этнополитических мифов. Если в 1990-е гг. «...локальные мифы создавались в ответ на кризис идентичности: руководству новообразованных субъектов РФ необходимо было идеологически легитимизировать свою власть» [5. — С. 240], то их функционал в последующие десятилетия значительно расширился. Уже упомянутый В.А. Шнирельман отмечает, что «для борьбы за политические права, особенно политическую автономию, нужна история своей собственной государственности, и, если такая история не обнаруживается, ее изобретают» [12. — С. 21]. Воспевание национальных героев через организацию фестивалей и праздников, переработка учебных программ под определенные концепции истории, научные исследования, различные просветительские проекты — все это требует значительного финансирования, привлечь которое можно только обосновав значимость данного исторического явления. Поэтому этнополитическое мифотворчество можно и нужно использовать в качестве инструмента государственного управления, поскольку его потенциал как интегрирующего фактора в политике идентичности неоспорим. И такие позитивные примеры уже есть и в России.

Литература

1. *Бежуев Б.* Остров «Россия» и российская политика идентичности [электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. — 2017. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossiya-i-rossiiskaya-politika-identichnosti-18657> (дата обращения: 29.09.2018).
2. *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1992. — С. 11–43.
3. *Девнина Г.С.* Роль социального мифа во внутригосударственных политических кризисах России: социально-философский анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — № 4. — С. 61–69. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnogo-mifa-vo-vnutrigosudarstvennyh-politicheskikh-krizisah-rossii-sotsialno-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 29.09.2018).
4. *Ершов Ю.Г.* Мифы в идеологии и политике // Социум и власть. — 2015. — № 5 (55). — С. 48–53. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mify-v-ideologii-i-politike> (дата обращения: 29.09.2018).
5. *Мулюкова Д.Ш.* Становление и развитие региональных политических мифов в современной России (на примере Республики Татарстан) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2012. — № 1. — С. 240–245. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-regionalnyh-politicheskikh-mifov-v-sovremennoy-rossii-na-primere-respubliki-tatarstan> (дата обращения: 29.09.2018).
6. *Мясникова Л.А., Шумихина М.Н.* Политический миф как носитель исторической памяти // Вопросы управления. — 2016. — № 2 (20). — С. 25–31. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskij-mif-kak-nositel-istoricheskoy-pamyati> (дата обращения: 29.09.2018).
7. *Оруэлл Джордж.* 1984. — М.: АСТ, 2015.
8. *Тишков В.А.* Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов / В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев. — М.: Изд-во Московского университета, 2011.
9. *Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности в регионах России : научное электронное издание / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Электрон. дан. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. — URL: https://www.academia.edu/34862483/Политика_идентичности_в_регионах_России?auto=download (дата обращения: 29.09.2018).
10. *Чубукова Е.И.* Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта // Серия «Мыслители», Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Выпуск 8 / Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — <http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta>.
11. *Шнирельман В.А.* Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. — 2002. — № 4. — С. 128–147. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-obrazy-predkov-tatary-pered-vyborom> (дата обращения: 29.09.2018).
12. *Шнирельман В.А.* Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов [электронный ресурс] / Под ред. А.Е. Петрова, В.А. Шнирельмана. — М.: ИА РАН, 2011. — URL: http://static.iea.ras.ru/books/falysifikatsiya_istoricheskikh_istochnikov.pdf (дата обращения: 29.09.2018).
13. *Шнирельман В.А.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. — М., 2000.